

JEL classification: K40, N95

УДК 94

DOI 10.17150/2308-2588.2020.21(3).357-377

А.В. Данчевская

*Восточно-Сибирский институт МВД России,
г. Иркутск, Российская Федерация*

О БОРЬБЕ С КОНОКРАДСТВОМ В ИРКУТСКОЙ И ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИЯХ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы борьбы с хищением лошадей и скота в дореволюционной России на государственном и местном уровне на примере Иркутской и Енисейской губерний. Актуальность противостояния конокрадству была обусловлена не столько его широким распространением, сколько негативным воздействием на социально-экономическое развитие государства. Цель работы — поиск причин, препятствовавших эффективной борьбе с конокрадством в конце XIX — начале XX вв. на примере наиболее крупных регионов Восточной Сибири — Иркутской и Енисейской губерний. Для исследования были использованы материалы дореволюционных исследований, законодательные акты Российской империи, опубликованные исторические источники, документы Государственного архива Иркутской области, современные научные статьи.

Автором проведен анализ развития законодательства относительно хищений лошадей и скота. Установлено, что конокрадство как проблема социально-правового характера стремилось к профессионализации, а пробелы в законе способствовали развитию этой тенденции. Решение вопроса на местном уровне инициировали министры внутренних дел и юстиции, вступавшие в переписку с генерал-губернаторами и губернаторами, однако к принятию реальных мер это не привело. Инородческое население Иркутской и Енисейской губерний, в среде которого проблема проявилась наиболее ярко, стремилось до-

нести до органов власти идею о необходимости выведения конокрадства из ведения иностранных обществ в систему уголовного законодательства.

Ключевые слова. Конокрадство, Иркутская губерния, Енисейская губерния, инородцы, яла, коневодство.

Информация о статье. Дата поступления 2 июля 2020 г.; дата принятия к печати 1 сентября 2020 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2020 г.

A.V. Danchevskaya

*East-Siberian Institute of the Ministry of the Internal Affairs
of the Russian Federation,
Irkutsk, the Russian Federation*

ABOUT THE FIGHT AGAINST HORSE THEFT IN THE IRKUTSK AND YENISEI PROVINCES IN THE LATE XIX — EARLY XX CENTURY

Abstract. The article examines the problem of combating theft of horses and livestock in pre-revolutionary Russia at the state and local level in Irkutsk and Yenisei provinces. The relevance of the opposition to horse-stealing was not so much due to its wide spread as to its negative impact on the socio-economic development of the state. The research aims to find the causes that hindered the effective fight against horse theft in the late XIX — early XX centuries. the example of the largest regions of Eastern Siberia — Irkutsk and Yenisei provinces. Materials of pre-revolutionary research, legislative acts of the Russian Empire, published historical sources, documents of the state archive of Irkutsk region, and modern scientific articles were used for the research.

The author analyzed the development of legislation on theft of horses and livestock. It was established that horse theft as a social and legal problem tended to professionalize, and loop holes in law contributed to this trend. The decision on the issue at the local level was initiated by the Ministers of internal Affairs and justice, who communicated with the governors-General and governors, but this did not lead to the adoption of real measures. The foreign population of Irkutsk and Yenisei provinces, among which the

problem was most evident, was working to raise awareness of the authorities of the need to integrate legislation from foreign societies into the criminal law system.

Keywords. Horse stealing, Irkutsk province, Yenisei province, natives, yala, horse breeding.

Article info. Received July 2, 2020; accepted September 1, 2020; available online September 30, 2020.

Проблема хищения лошадей и скота в дореволюционной России являлась одной из наиболее актуальных в борьбе с преступностью. Острота ситуации обуславливалась широким применением скота как в хозяйственной деятельности сельского населения, так и использованием лошадей в городах в качестве тягловой силы. При этом воровство скота и лошадей считалось едва ли не наиболее тяжким из всех видов имущественных преступлений, поскольку такие животные были основой пропитания семьи и их утрата вела напрямую к разорению хозяйства. Это, в свою очередь, вызывало остро негативную реакцию крестьянского населения, стремившегося устроить линчевание вора, застигнутого на месте преступления. Крестьянин, лишившийся тягловой силы, оставлял без обработки пахотные земли, а скотоводы, теряя таким образом лошадей, вынужденно переходили на овцеводство, которое в значительно меньшей степени страдало от краж. В некоторых случаях крестьянин был вынужден идти искать работу по найму. Все это негативно влияло на экономическое развитие как конкретной местности, так и государства в целом. Иными словами, деструктивное воздействие конокрадства и скотокрадства на социально-экономическое состояние государства не подвергается сомнению. В этих условиях борьба с кражами как лошадей, так и скота в целом являлась для органов власти актуальной проблемой, которая долгое время в силу ряда причин оставалась нерешенной.

Целью работы явился поиск причин, препятствовавших эффективной борьбе с конокрадством в конце

XIX — начале XX вв. на примере наиболее крупных регионов Восточной Сибири — Иркутской и Енисейской губерний. Для исследования были использованы материалы дореволюционных исследований, законодательные акты Российской империи, опубликованные исторические источники, документы Государственного архива Иркутской области, современные научные статьи.

В работе разделены понятия «лошади» и «скот», поскольку такое разделение существовало в соответствующих правовых актах исследуемого периода. Отсюда идет разделение понятий «конокрадство» (кража, предметом которой являлась лошадь) и «скоткрадство» (кража любого другого домашнего скота).

Конюкрадство как проблема социально-правового характера освещалось в России второй половины XIX — начала XX вв. преимущественно в виде статей в журналах коннозаводческой и правовой направленности. Рассмотрению проблемы конюкрадства в тот период уделили внимание А.А. Левенстим [1], Д.Е. Лаппо [2] и другие исследователи. В советский период к дореволюционной преступности существовало особое отношение, обусловленное идеологическим подходом. Преступность как таковая считалась пережитком капиталистического прошлого, поэтому ее нужно было уничтожать, как и любой другой пережиток. В этом контексте особого внимания конюкрадству и борьбе с ним в дооктябрьский период советскими учеными не уделялось. В современной России произошло нарастание научного интереса к изучению этого аспекта исторического прошлого России. Так, научные работы, посвященные исследованию вопросов о борьбе с кражами лошадей и скота, в том числе на региональном уровне, были опубликованы С.А. Невским [3], Ч.Н. Ахмедовым [4], Л.В. Курасом и Е.П. Мамышевой [5] и др. Параллельно освещение вопросов хищения лошадей происходит в работах, предметом которых является история коневодства или состояние преступности в дореволюционной России.

В законодательстве Российской империи до Уложения о наказаниях 1845 г. конокрадство и скотокрадство не рассматривались как самостоятельное преступление, а значит, наказание было таким же, как и за простую кражу. В Уложении о наказаниях конокрадство было отчасти выделено из других видов воровства, поскольку, если предметом преступления выступали лошади или иной скот, наказание возрастало на одну степень выше. Затем законом от 18 марта 1880 г. «Об изменении и дополнении узаконений, касающихся кражи лошадей и вообще скота»¹ в существовавшее законодательство был внесен ряд новых положений. Так, в местностях, где судебные уставы 1864 г. были введены, дела о кражах лошадей и скота изымались из ведения станичных и волостных судов и передавались мировым судьям. Вносились изменения в ст. 170 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, — теперь в случае кражи лошади срок тюремного заключения мог быть увеличен до одного года. Впервые в качестве преступления было названо занятие конокрадством в виде промысла, причем достаточно суровое наказание за это деяние в виде лишения всех прав, ссылки в Сибирь или отдачи в арестантские исправительные отделения не зависело от цены похищенного. Этот пункт в Уложении о наказаниях 1885 г. нашел отражение в ст. 1654.1. Введено было также наказание для тех, кто в виде промысла занимался покупкой или сбытом краденых лошадей, оно было установлено в ч. 2 ст. 931 Уложения о наказаниях. Примечательно, что санкция за скупку и сбыт лошадей не была предусмотрена, поэтому если нельзя было доказать участие конокрада в непосредственном похищении, то он мог быть привлечен только за укрывательство простой кражи или за покупку заведомо краденых вещей, наказание за которые было

¹ Об изменении и дополнении узаконений, касающихся кражи лошадей и вообще скота // Полный свод законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2. Т. 55, № 60680.

несопоставимо ниже [1, с. 35]. В Уголовном уложении 1903 г. положение о конокрадстве в виде промысла отразилось в ст. 585 и было дополнено указанием на наказуемость покушения, а также введением наказания за повторное совершение конокрадства в течение пяти лет после отбытия наказания за предыдущее.

Вновь к проблеме конокрадства вернулись в 1908–1909 гг., когда министром юстиции и комиссией по судебным реформам Государственной Думы почти одновременно были разработаны и представлены законопроекты об усилении ответственности за кражи скота и лошадей [4, с. 11–12]. По результатам рассмотрения думского проекта в 1909 г. был опубликован Закон «Об усилении уголовной ответственности за похищение лошадей и крупного домашнего скота» (от 6 июня 1909 г.), прошедший процедуры одобрения Государственным Советом, Государственной Думой и высочайше утвержденный императором². Этот закон вносил изменения в Уложение о наказаниях уголовных и исправительных включением специальных статей (931.1, 1643.1, 1654.1 и 1655), устанавливающих санкции за участие в незаконном обороте скота и лошадей. Позже к ним была добавлена ст. 931.2. Статьи 931.1 и 931.2 устанавливали наказание за покупку или сбыт заведомо похищенной лошади или иного, кроме лошади, крупного домашнего скота. Статья 1643.1 устанавливала наказание за открытое похищение лошади без насилия и угроз. Отягчающим обстоятельством, устанавливавшим меру наказания в виде лишения всех прав и преимуществ и отдачи в исправительные арестантские отделения на срок до шести лет (по первой степени — ст. 31 Уложения о наказаниях) и до

² Об усилении уголовной ответственности за похищение лошадей и крупного домашнего скота // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1909. Отд. 1, № 105. С. 953. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_02000000770?page=1855&rotate=0&theme=white.

пяти (по второй степени — ст. 31 Уложения о наказаниях), было совершение преступного деяния на улице или проезжей дороге или в ночное время. За участие в таком преступном деянии нескольких лиц виновные подвергались лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на срок до шести лет. Таким образом, власть предпринимала неоднократные попытки ужесточить санкции как за обычную кражу лошади, так и за занятие профессиональным конокрадством. Однако эти меры не были системными и комплексными и пробелами в законодательстве преступники могли использовать в своих интересах.

Появление уголовной санкции за профессиональное конокрадство напрямую свидетельствует о том, что оно существовало в дореволюционной России в виде криминального промысла организованных групп. В начале XX в. публицист Г.Н. Брейтман отмечал, что конокрады в России того времени представляли собой организованное общество, «самое многочисленное и грозное, самое вредное и труднопобедимое» [6, с. 74], и, помимо всего прочего, вооруженное огнестрельным оружием [там же, с. 77]. Описывая конокрадство в западных и центральных губерниях, он указывал, что многие члены этого преступного сообщества побывали в тюрьмах и на каторге, некоторые прибыли из Сибири [там же, с. 79]. Так, в 1899 г. в Юго-Западном крае была обнаружена шайка конокрадов из более чем 60 чел., которую возглавляли преимущественно бежавшие каторжники или сибиряки [там же, с. 80].

При этом в самой Сибири проблема стояла не менее остро, чем в европейской части страны. Связано это было в том числе с тем, что необъятные сибирские просторы позволяли конокрадам менять при необходимости места дислокации и уводить краденых лошадей вглубь тайги, где обнаружить их для слабо оснащенной и малочисленной полиции было крайне затруднительно. Отдельным фактором, способство-

вавшим развитию конокрадства, безусловно, являлась ссылка. Ссылные, значительная часть которых не могла удовлетворительно обустроиться на новом месте, искали средства к существованию противозаконными методами, в том числе и такими.

В Иркутской и Енисейской губерниях, как и в западной части государства, конокрады представляли собой организованные сообщества. Например, в Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX в. конокрадство представляло собой один из наиболее массовых видов организованной преступности [7, с. 113]. При этом преступные группы конокрадов, как и другие виды воровских сообществ, имели внутреннюю функциональную дифференциацию: одни осуществляли кражи скота и лошадей, другие занимались перегонном, третьи — сбытом, четвертые — распределением полученной выгоды.

В циркуляре министра внутренних дел от 25 июня 1880 г. № 56 утверждалось, что проблема конокрадства в Сибири приобрела форму «промысла прочной и правильной организацией», а для усиления борьбы с данным видом преступности предлагалось полицейским «озаботиться ... узнанием притонов конокрадов, их разменных пунктов, путей перевода краденых лошадей и пр.»³. Указывалось также, что провоцирующим фактором развития конокрадства стало беспечное отношение крестьян к пастыбе своего скота, который мог, оставшись без присмотра, стать легкой жертвой кражи. В связи с этим было предложено призвать само население к более бдительному надзору за лошадьми и рабочим скотом. В связи с названными причинами губернаторам предписывалось принять меры к искоренению конокрадства на местном уровне. Для проработки вопроса в Иркутской губернии циркуляр был передан исправникам, которые должны были дать ответ, какими мерами

³ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 28. Д. 112. Л. 4.

возможно было бы оградить местное население от проблемы. С этого момента началась длительная переписка по вопросу об искоренении конокрадства в Восточной Сибири, в которой участвовали министерство внутренних дел, министерство юстиции, генерал-губернаторы Восточной Сибири, иркутский и енисейский губернаторы, органы местного самоуправления.

Спустя год — в 1881 г. — были рассмотрены представленные исправниками замечания: оказалось, что в Иркутской губернии конокрадства в виде организованного промысла не существовало, а были лишь редкие единичные случаи. С целью пресечь и такие эпизоды исправниками были предложены следующие меры: 1) «установление» в каждом селении обязательных общественных пастухов, которые бы избирались самим обществом; 2) заведение при каждом сельском и инородческом управлении особых книг, в которых бы записывались каждый раз обмен и продажа лошадей, причем с владельцев лошадей следовало требовать удостоверения об их личности и месте жительства и о законной принадлежности им лошадей; 3) введение для крестьян обязанности не покупать и не выменивать лошадей без записи в книге; 4) произведение переписи в каждом селении лошадей и рогатого скота с тем, чтобы потом о каждой перемене в состоянии скота заявлялось в волостных, сельских и инородческих управлениях.

Поскольку большой и серьезной проблемы с конокрадством в губернии не обнаружилось, иркутский губернатор принял решение реализовать первые два пункта и на этом завершить рассмотрение вопроса.

Тем не менее, проблема остро стояла в среде инородцев Иркутской и Енисейской губерний. Так, в общественном приговоре родовых старост, улусных старшин и доверенных от обществ инородцев Верхотенского округа Иркутской губернии отмечалось, что между инородцами Верхотенского ведомства конокрадство с давних времен развилось до такой степени, что «при-

няло уже характер как бы обыкновенной сельской промышленности»⁴, из-за чего беднейший класс инородцев терпел значительный ущерб в хозяйстве, который вел к разорению. Дела о краже скота не входили в рассмотрение общеимперскими судами, оставаясь на откуп инородческому управлению, которое в соответствии с обычным правом назначало достаточно легкое наказание: платеж, называемый «яла», то есть за одну голову — три. При этом по инородческим обычаям дела о конокрадстве признавались исковыми, поэтому конокрады не боялись уголовного наказания. Составители общественного приговора отмечали, что данный вид наказания не только не способствовал предупреждению таких преступлений, но и наоборот — мог выступать провоцирующим фактором, поскольку вор желал снова украсть побольше лошадей, чтобы компенсировать издержки. В связи с этим инородцы выступили с предложением рассматривать дела о кражах лошадей и скота по общеимперским законам с некоторыми оговорками. Инородцы Ленского ведомства также признали, что «яла» потеряла свое значение, и выразили желание о применении к конокрадам общего закона.

В Енисейской губернии инородцы проживали преимущественно в Минусинском крае. В.Ю. Григорьев, исследовавший в начале XX в. их поземельное устройство, отмечал, что в Абаканском (по результатам переписи 1904 г.) и Сагайском (по результатам переписи 1901 г.) ведомствах на сто душ населения численность скота составляла лошадей 362 и 120 голов, рогатого скота 296 и 230 голов соответственно [8, с. 65]. Иными словами, численность скота, не считая овец, от трех до шести раз превышала численность населения, уменьшаясь к восточной гористой части региона. При этом, по мнению В.Ю. Григорьева, условия содержания лошадиных табунов на подножном

⁴ ГАИО. Ф. 25. Оп. 28. Д. 112. Л. 7.

корму, а именно — отсутствие возможности у пастуха, на которого приходилось до 300–400 голов, постоянно держать их на виду, способствовало развитию конокрадства. По результатам выборки из явочных книг, куда заносились далеко не все случаи краж лошадей, В.Ю. Григорьев выяснил, что в 1902 г. по Аскызской инородной управе было сделано 180 заявлений по кражам 667 лошадей (около 3 % от общего числа), а по Абаканской — 288 заявлений по кражам 1 752 голов (около 4,7 %) [8, с. 71]. Уводили как правило не более пяти лошадей за раз (69 % случаев), в 16 % случаев крали от пяти до десяти голов, в 11 % — от одиннадцати до двадцати, в 4 % — более двадцати голов.

Крестьяне пытались решать проблему конокрадства самостоятельно и доступными им способами. Отмечен любопытный факт: население, не надеявшееся на силы полиции в поисках похищенных лошадей, обращалось непосредственно к самим конокрадам и за вознаграждение в 5–20 р. просило отыскать их. Иногда всех лошадей или часть их «находили», но порой их так и не отыскивали и деньги не возвращали [там же, с. 72]. Этот способ поиска лошадей сохранялся и позднее: в начале 1910-х гг. в Енисейской губернии крестьяне предпочитали выкупать украденный скот, а не просить помощи представителей власти. Другой способ состоял в том, чтобы нанимать в пастухи заведомо известного конокрада в надежде, что на вверенный ему скот он не посягнет [7, с. 114]. Иногда при выявлении внутри инородческих обществ лица, заподозренного в конокрадстве, практиковалось подвешивание его за ноги или ребра к перекладинам юрты [2, с. 17]. В отдельных случаях, когда конокрад попадался озлобленным крестьянам с поличным, его ждала короткая и суровая расправа самосудом⁵. Причем, такие случаи

⁵ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Санкт-Петербург, 1903. Т. LIV. Енисейская губерния. С. 19.

убийства конокрада тщательно скрывались местным обществом и полицией, как правило, оставались неизвестными. Эти факты как нельзя лучше свидетельствуют о том, что органы полиции были беспомощны в борьбе с конокрадством, что способствовало укоренению этого вида профессиональной преступности.

Кроме непосредственного увода лошадей и скота, конокрады в Минусинском крае Енисейской губернии занимались обрезанием хвостов и гривы у коней, поскольку конский волос, имевший широкое применение в хозяйстве, сам по себе являлся достаточно ценным товаром [5, с. 225]. Наказанием за кражу скота для лиц, совершивших ее впервые, выступала имущественная компенсация, а в случае рецидива стоимость материального возмещения возрастала, могли применяться телесные наказания розгами, штрафы, изгнание из улуса и высылка в отдаленные края губернии [там же, с. 224]. С учетом того, что конокрадов ловили редко, эти меры представляются малоэффективными. Кроме того, развитие конокрадства в отсутствии адекватного противостояния ему приводило к изменению экономической стороны местной жизни. Так, по свидетельству В.Ю. Григорьева, до активизации конокрадов средние хозяйства держали десятки лошадей, а крупные — сотни, а к началу XX в. средние хозяйства почти совсем перестали держать табунных лошадей, крупные же сократили коневодство наполовину. При этом оставляли преимущественно рабочих лошадей, которые с ноября по апрель содержались в загонах, а на свободном выпасе были в остальное время. Справедливости ради нельзя не отметить, что на сокращение числа лошадей в начале XX в. повлияла также бескормица 1901 г., однако при существовавших условиях в следующие годы их количество должно было восстановиться, поскольку прирост мог составлять до 50 % ежегодно, но в силу развития конокрадства этого не произошло [8, с. 74].

Жалобы на активность конокрадов и неэффективность применяющихся в инородческих обществах Иркутской губернии мер не остались без рассмотрения, но многие инициативы погибли под колесами бюрократической машины. Проблема конокрадства в среде сибирских инородцев и предложения по ее уменьшению нашли отражение в журнале Совета Главного Управления Восточной Сибири (№ 131), который был передан министерством внутренних дел на рассмотрение в министерство юстиции. Министр юстиции и сенатор Н.А. Манасеин в отношении генерал-губернатору Восточной Сибири от 30 июля 1886 г. сообщил, что предложение распространить на Восточную Сибирь действия правил о пресечении конокрадства, изложенных в ст. 299–306 Устава о предупреждении и пресечении преступлений и применявшихся в Западной Сибири, вполне целесообразно (в редакции Устава 1872 г. это были ст. 480–493). Среди прочего, закон обязывал сельские общества Западной Сибири иметь при стадах в поле пастухов, а в ночное время выставлять наряды караульщиков. Городская и земская полиция должны были приступать к поискам похищенных лошадей незамедлительно, при поимке виновных или подозреваемых немедленно их допрашивать, принимать меры к поиску доказательств и безотлагательно отсылать дела в надлежащие судебные инстанции. Окружным судам и губернскому суду было предписано дела о конокрадах решать без очереди и промедления, а обвиняемых в конокрадстве на время производства следствия и суда не отдавать на поруки, а содержать под стражей. Эти меры, несмотря на согласие министра юстиции, так и не были распространены на Восточную Сибирь.

Одна из главных предложенных родовыми старостами инородцев Верхотенского ведомства Иркутской губернии мер — идея вывести из ведения инородческих судов дела по обвинению инородцев в краже лошадей

и рабочего скота, кроме случаев, когда кража совершенна впервые или стоимость похищенного имущества составляет не более 30 р. — по мнению сенатора вызвала сомнения. Предложение же, которое могло как минимум положить начало контролю за скотом и лошадьми, а именно — введение особых книг, в которых бы фиксировались факты их купли-продажи, с описанием животного и указанием продавца, не относилось к предмету ведения министерства юстиции, а потому даже не рассматривалось. Решение о введении таких книг было принято иркутским губернатором еще несколькими годами ранее, в начале 1880-х гг., но так и не нашло своего реального воплощения. Не были введены эти книги и в течение нескольких последующих лет, о чем свидетельствует обращение фельдшера Коршунова к иркутскому генерал-губернатору в 1899 г. с предложением ввести книги купли-продажи скота при каждом сельском старосте⁶. Им была подробно расписана структура таких книг: сколько должно быть разделов и какую именно информацию туда необходимо заносить. Однако это письмо осталось без ответа.

В указанной выше переписке представителей органов исполнительной власти суть обсуждения сводилась к возможности применения тех или иных мер по борьбе с конокрадством в Восточной Сибири. Примечательно, что если в 1880-е гг. министерство внутренних дел само инициировало разработку мероприятий по борьбе с конокрадством в восточных регионах, то позже министерство юстиции постановило, что проблемы в Иркутской и Енисейской губерниях вовсе нет, а значит, комплексные меры не требуются. В 1891 г. в докладе министру юстиции уже иркутский генерал-губернатор отметил, что конокрадство в Иркутской и Енисейской губерниях «не достигло такого опасного развития и организации, которые вызвали бы для успешной борьбы

⁶ ГАИО. Ф. 25. Оп. 28. Д. 249.

с ним введение новых по сему предмету правил в изменение или дополнение существующих»⁷. При анализе сопоставимых данных возникает вопрос — почему губернатором была подана именно такая информация? Было ли это его сознательным желанием скрыть проблему (но с какой целью?) или до высшего начальника региона информация из исходных источников доходила уже в весьма урезанном виде?

Конокрадство иногда приводило к значимым социальным последствиям для сельского населения региона. Ачинский окружной суд докладывал рапортом от 22 июня 1885 г. генерал-губернатору Восточной Сибири о том, что конокрадство являлось одним из выдающихся видов преступлений в округе⁸. Констатирувалось, что власти не способны как-либо повлиять на ситуацию, и по этой причине Покровская волость, хозяйства которой разорялись по причине конокрадства, инициировала выселение из своей среды 10 лиц и о расселении жителей деревни Преображенской по другим селениям Покровской волости. Отмечалось, что в то же время Мазульское селение, находившееся в трех верстах от Ачинска, разоряло город и окрестных жителей воровством, нередко сопряженным с убийством⁹.

Социальный портрет конокрада в разных губерниях и даже разных частях одной губернии мог отличаться. В Енисейской губернии среди выявленных по приговорам обществ конокрадов в 1903 г. около 44 % составляли инородцы, около 38 % — крестьяне, 16 % — ссыльные. Отмечается, что 18 % и 20 % конокрадов были сосредоточены в Абаканской и Аскизской инородных управах, где основным видом хозяйственной деятельности местного населения было табунное скотоводство, тогда как в волостях с русским населением

⁷ ГАИО. Ф. 25. Оп. 28. Д. 112. Л. 204.

⁸ Там же. Л. 27.

⁹ Там же. Л. 28.

данный показатель был значительно ниже и составлял около 53 конокрадов на волость [7, с. 114].

В Иркутской губернии, согласно донесениям окружных исправников, в 1887 г. кражи лошадей преимущественно совершались бродячими цыганами, татарами, инородцами, местными крестьянами и ссыльными. Окружные исправники Иркутской губернии отмечали в 1885 г., что кочевые цыгане часто становились табором где-нибудь в отдалении от поселения, но вблизи пасущихся табунов, что позволяло им красть лошадей и в короткий срок сбывать их перегонщикам. По этой причине одной из мер борьбы с конокрадством исправники называли запрещение кочевым цыганам останавливаться вне селений. Из местных крестьян и ссыльных конокрадством занимались преимущественно те, что не был занят землепашеством или какой-либо другой постоянной работой. При этом в социальной структуре губернии крестьяне (в том числе крестьяне из ссыльных) составляли 51 % населения, инородцы — 28,8 %, ссыльные — 6,7 % (бродячие цыгане, как и татары как отдельные социальные группы не фигурировали в официальных отчетах вовсе)¹⁰.

Наибольшее количество краж скота и лошадей в Иркутской губернии во второй половине 1880-х гг. было зафиксировано в Балаганском округе, где количество крестьян и инородцев было почти равным (46 % и 44,3 % соответственно), и составляло в 1886 г. не менее 300 случаев с общим ущербом до 8 тыс. р.¹¹, в Нижнеудинском округе было зафиксировано около 60 случаев в 1885 г. и столько же в 1886 г. К концу же XIX столетия конокрадство в регионе приобрело поистине грандиозные масштабы. Согласно данным об украденных лошадях, официально зарегистрированным местными властями и изложенным в журнале

¹⁰ Подсчитано по: Обзор Иркутской губернии за 1887 год. Иркутск : Губ. тип, 1888. 42 с.

¹¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 28. Д. 112. Л. 190 об.

заседаний Балаганского уездного комитета, в 1898 г. в Балаганском уезде было украдено 1 335 лошадей, в 1899 г. — 1640, в 1900 г. — 1680, всего — на сумму около 190 тыс. р. Из украденных 4 655 лошадей разыскано было лишь 390, то есть около 8 %¹². Из материалов журнала заседаний Балаганского уездного комитета в 1902 г. следует, что одним из рынков сбыта украденных в Балаганском уезде лошадей являлась Яндинская волость. Из материалов Яндинского волостного правления видно, что за период 1898–1900 гг. там было украдено лишь 27 лошадей, в то время как поймано и передано властям было 28 конокрадов¹³. Там же приводится следующая информация: «все жители села Федоровского подозреваются в укрывательстве конокрадства и продержании у себя цыган без ведома волостного правления», а также «все жители деревни Бакарминской подозреваются в сношениях с конокрадами, а также переводе краденых лошадей и укрывательстве конокрадства». Такой «специализации» отдельных поселений волости способствовала их отделенность от волостного правления на 70–100 верст, а также отсутствие наземных путей сообщения, поскольку все передвижение осуществлялось по реке Ангара. Данные факты абсолютно несопоставимы с материалами, нашедшими отражение в переписке обличенных властью чиновников по вопросу искоренения конокрадства. В последних очевидно занижены статистические показатели по числу украденных лошадей. Недостаток (или, возможно, сокрытие) информации, адекватно отражавшей действительность, не позволял губернаторам и министрам принимать решения, которые могли бы оказать существенное влияние на проблему и способствовать ее решению.

¹² Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Санкт-Петербург, 1903. Т. LV. Иркутская губерния. С. 19.

¹³ Там же. С. 22.

Как было сказано выше, в Иркутской губернии книги для учета сделок купли-продажи скота и лошадей все же были введены, однако и здесь быстро были найдены способы обойти закон. В 1908 г. иркутский губернатор докладывал в Департамент полиции, что украденные в ближних к городу волостях лошади беспрепятственно сбываются в Иркутске. Этому способствовало то, что книги с записями в полицейских частях вели люди с низким уровнем грамотности, которые не требовали документов, а записывали приметы животного со слов продавца или покупателя. За одну запись в книге взималось 50 коп., которые по распоряжению губернатора аккумулировались на особом счете. На эти средства в Иркутске в 1909 г. было создано особое бюро по регистрации купли и продажи лошадей, контроль сделок осуществлялся специальным чиновником, назначаемым губернатором, а в помощь ему был назначен ветеринарный фельдшер. К проведению сделки имелись особые требования, которые минимизировали возможность регистрации украденных лошадей: например, заключать сделку заочно было запрещено, лошадь должна была быть осмотрена ветеринаром, который сам заносил ее приметы в книгу, а продавец и покупатель обязаны были предоставлять документы, содержащие сведения о личности, месте жительства и роде занятий [3, с. 263–264]. К сожалению, оценить эффективность введенных мер ввиду отсутствия полноценной сопоставимой статистики в настоящее время не представляется возможным.

Таким образом, анализ исторических источников подтверждает тезис о существовании серьезной проблемы краж лошадей и скота, особенно в среде скотоводов-инородцев, как в Иркутской, так и в Енисейской губерниях, а также о ее пагубном воздействии на социально-экономическое развитие региона. Причем, нарастание проблемы особенно интенсивно происходило в последние два десятилетия XIX — первое де-

сятилетие XX вв. и было связано с развитием профессионального конокрадства, что нашло отражение во введении специального наказания в уголовный закон.

Меры по противостоянию конокрадству принимались на высшем законодательном уровне путем ужесточения санкций и дифференциации видов участия в таких преступлениях. Проявляли инициативу в этом направлении министры внутренних дел и юстиции, которые пытались привлечь к решению проблемы губернаторов и генерал-губернаторов, а те, в свою очередь, спускали решение проблемы еще ниже. Бурное обсуждение проблемы, однако, так и не привело к формированию системы борьбы с конокрадством. Инициатива усиления такой борьбы исходила также от местного населения, которое непосредственно страдало от действий конокрадов, но не имело каких-либо рычагов воздействия на них и оказывалось в заведомо проигрышном положении. Эта инициатива проявлялась в обращении к представителям власти с конкретными предложениями, а именно — вывести конокрадство как вид преступления из ведения инородческих обществ и судить конокрадов из инородческой среды по общеимперским законам. Самостоятельно сельские жители решали проблему путем выкупа похищенных лошадей у конокрадов, найма в качестве пастухов заведомых конокрадов, а также линчеванием пойманных с поличным воров. Бессилие властей, обусловленное в том числе неповоротливостью бюрократического механизма, не только не способствовало решению проблемы, но и провоцировало распространение самосуда.

Список использованной литературы

1. Левенстим А.А. Конокрадство с юридической и бытовой стороны / А.А. Левенстим // Вестник Права. — 1899. — № 2. — С. 28–82.
2. Лаппо Д.Е. Преступления и наказания по степному праву сибирских кочевых инородцев (минусинские татары) / Д.Е. Лаппо. — Красноярск : тип. Енис. губ. упр., 1905. — 57 с.

3. Невский С.А. О борьбе с хищением лошадей (конокрадством) в Российской империи / С.А. Невский // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2012. — № 2. — С. 263–266.

4. Ахмедов Ч.Н. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика конокрадства в России / Ч.Н. Ахмедов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2016. — № 2 (70). — С. 10–17.

5. Курас Л.В. Борьба с конокрадством в Енисейской губернии: историко-правовые аспекты (по материалам органов самоуправления минусинских инородцев) / Л.В. Курас, Е.П. Мамышева // Власть. — 2019. — № 5. — С. 223–226.

6. Брейтман Г.Н. Преступный мир : очерки из быта проф. преступников / Г.Н. Брейтман. — Киев : Тип. Губ. правл., 1901. — 302 с.

7. Хоменко Д.Ю. Социальный и этнический состав преступников в Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX века / Д.Ю. Хоменко // Вестник ТГПУ. — 2016. — № 5 (170). — С. 112–116.

8. Григорьев В.Ю. К вопросу о поземельном устройстве инородцев Минусинского края / В.Ю. Григорьев. — Санкт-Петербург : тип. М. Стасюлевича, 1906. — 134 с.

References

1. Levenstim A.A. Horse Stealing from the Legal and Domestic Side. *Vestnik Prava = Herald of Law*, 1899, no. 2, pp. 28–82. (In Russian).

2. Lappo D.E. *Prestupleniya i nakazaniya po stepnomu pravu sibirskikh kochevykh inorodtsev (minusinskie tatary) [Crimes and punishments under the steppe law of Siberian nomadic foreigners (Minusinsk Tatars)]*. Krasnoyarsk, Tipografiya Eniseiskogo gubernskogo upravleniya Publ., 1905. 57 p.

3. Nevskiy S.A. On the Fight Against Horse Stealing in the Russian Empire. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social-Educational Ideas*, 2012, no. 2, pp. 263–266. (In Russian).

4. Akhmedov C.N. Criminally-Legal and Criminological Characteristics of Horse Stealing in Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Saint-Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia Bulletin*, 2016, no. 2 (70), pp. 10–17. (In Russian).

5. Kuras L.V., Mamysheva E.P. Struggle Against Horse Stealing in the Yenisei Province: Historical and Legal Aspects (on the Materials of the Local Governments of Minusinsk Indigenous People). *Vlast' = Power*, 2019, no. 5, pp. 223–226. (In Russian).

6. Breitman G.N. *Prestupnyi mir* [Underworld]. Kiev, Tipografiya gubernskogo pravleniya Publ., 1901. 302 p.

7. Khomenko D.Yu. Social and Ethnic Structure of Criminals in the Enisei Region: Second Half of the 1800s — Early 1900s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. = *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2016, no. 5 (170), pp. 112–116. (In Russian).

8. Grigoriev V.Yu. *K voprosu o pozemel'nom ustroistve inorodtsev Minusinskogo kraya* [On the Question of the Land Structure of Foreigners of the Minusinsk Region]. Saint-Petersburg, Tipografiya M. Stasyulevicha Publ., 1906. 134 p.

Информация об авторе

Данчевская Анастасия Викторовна — кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин, Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация. E-mail: vashan16@mail.ru. SPIN-код 6358-2755; ORCID 0000-0003-2263-3768.

Author

Anastasia V. Danchevskaya — Ph.D. in Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of philosophy, psychology and social and humanitarian disciplines, East-Siberian Institute of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, the Russian Federation. E-mail: vashan16@mail.ru. SPIN-код 6358-2755; ORCID 0000-0003-2263-3768.

Для цитирования

Данчевская А.В. О борьбе с конокрадством в Иркутской и Енисейской губерниях в конце XIX — начале XX вв. / А.В. Данчевская. — DOI: 10.17150/2308-2588.2020.21(3).357-377 // Историко-экономические исследования. — 2020. — Т. 21, № 3. — С. 357–377.

For Citation

Danchevskaya A.V. About the Fight Against Horse Theft in the Irkutsk and Yenisei Provinces in the Late XIX — Early XX Century. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* = *Journal of Economic History & History of Economics*, 2020, vol. 21, no. 3, pp. 357–377. DOI: 10.17150/2308-2488.2020.21(3).357-377. (In Russian).